

Шестеро и толпа

Светлана ПОЛЯКОВА. Фото предоставлены «Гоголь-центром»

В «ГОГОЛЬ-ЦЕНТРЕ» ПОКАЗАЛИ СИМВОЛИЧЕСКИЙ СПЕКТАКЛЬ-АКЦИЮ «ПОХОРОНЫ СТАЛИНА», ПОСВЯЩЁННЫЙ СОБЫТИЯМ 9 МАРТА 1953 ГОДА. В НЁМ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ МНОГИЕ ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ, БЫВШИЕ СВИДЕТЕЛЯМИ ТЕХ СОБЫТИЙ (И ДАЖЕ ЧУТЬ НЕ ПОГИБШИЕ В ДАВКЕ). И ХОТЯ АКЦИЯ ПЛАНИРОВАЛАСЬ КАК РАЗОВАЯ, ОНА ПРОИЗВЕЛА НА СОБРАВШИХСЯ ТАКОЕ ОГЛУШИТЕЛЬНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО ЗАГОВОРИЛИ О ВОЗМОЖНОСТИ (И НЕОБХОДИМОСТИ) ЕЁ ПОВТОРЕНИЯ.

В

олее полувека спустя после физической смерти дракона дело его живёт и местами побеждает. Под гнётом мифологии, создаваемой той частью российского социума, которая генетически заражена страхом, новое поколение обретает ложную память о «величайшем гении» и «полководце всех времён и народов». В 2017 году делу этому стукнет 100 лет, и станет ли этот юбилей праздником или поводом для скорби – каждый выбирает для себя. В преддверии годовщины команда Кирилла Серебренникова провела мероприятие, реконструирующее атмосферу похорон тела «отца народов». Так случилось, что в один день со Сталиным умер Сергей Прокофьев – параллельно гигантской толпе, стремящейся попрощаться с тираном, по задворкам шли несколько человек с гробом композитора, судьба которого послужила антитезой в драматургии символического действия. По форме это был спектакль-акция, а по сути – попытка отчётливо, с привлечением живых очевидцев, документальных свидетельств и художественных приёмов вспомнить о последствиях жизнедеятельности и смерти того, кто по сей день почитаем как отец народов осязательным процентом наших граждан.

Стены большого зала «Гоголь-центра» превращены в киноэкраны – сквозь их гигантские окна на нынешнюю реальность молча смотрят взятые крупным планом люди из чёрно-белой кинохроники – провожающие ли в последний путь вождя, стоящие ли в очереди на Лубянку?.. Зрительские трибуны расположены вокруг длинного подиума, архитектуру которого взламывает прямоугольная яма – могила, проглотившая миллионы, прежде чем

наступила очередь их убийцы. Несколько десятков волонтеров играют главную отрицательную роль в спектакле – толпу, ставшую жертвой людоедской идеологии и кровавой церемонии погребения диктатора, унесшего с собой в последний путь сотни поклонников и любопытствующих. Подиум покрывается еловыми ветками, оторванными с мясом пуговицами, калошами, предметами одежды, из которых выкорчёвывались люди, чтобы не быть раздавленными толпой. А из зрительских секторов один за другим выходят свидетели, чтобы сказать надгробное слово сталинскому режиму и диагностировать его метастазы в современном обществе.

На эти роли режиссёр пригласил прежде всего деятелей культуры с безупречной репутацией – тех, кому верят и кто счёл участие в акции своим моральным долгом. Из их коллективной памяти сложился пазл о том, как короля играет свита. Алексей Бартошевич подростком наблюдал толпу жаждущих увидеть вождя в гробу, прорвавшуюся через кордоны с криками «ура!». Андрей Смирнов, подробно изучавший эпоху своего детства, рассказал о воровстве, очередях

Гарри Бардин

Яна Иртеньева

и чудовищной коррупции, которая процветала в эпоху сталинского «порядка», растлившего нацию: «мы все – дети вертухаев». Людмила Улицкая вспомнила, как у её подруги случился заворот кишок оттого, что она физически не могла справиться с нуждой на омерзительном пионерлагерном толчке. По словам Ольги Седаковой, несмотря на легенду о всенародном горе, смерти Сталина ждали миллионы узников ГУЛАГа – хотя и понимали, что культ личности не умирает вместе с личностью и его надо выдавливать из себя по капле. Гарри Бардин поведал историю своей семьи – столь типичную для той эпохи – и перебрал мостик в наши дни, процитировав мысль министра культуры о том, что сейчас интерпретация важнее факта. О «гальванизации» сталинского трупa сегодня говорили и журналисты Андрей Лошак и Юрий Сапрыкин: масштаб эпохи соразмерен масштабу тирана. Денис Карагодин, герой соцсетей минувшего года, приехал из Томска, чтобы лично рассказать, как он отыскал в архивах и обнародовал имена всех (!) виновных в расстреле его деда в 1937-м. Покаяние внуки одного из разоблаченных палачей стало

ответом на этический вопрос, должна ли страна знать имена своих героев заплечных дел. Мариэтта Чудакова была тревогу: юбилейный год может стать поводом для спекуляции «достижениями» советской империи в образовательных программах – и призвала каждого, кто не хочет допустить искажения истории, в качестве личного обязательства передавать правду, как эстафету, знакомым подросткам...

Однако, по признанию режиссёра Кирилла Серебренникова, во всей истории сталинизма его больше интересовали те, кто, подобно нескольким студентам, несшим гроб опального композитора Прокофьева во время прощания с вождём, шёл не в толпе. Парадоксально, но двигались эти шестеро парней со скоростью толпы – обходя милицейские заграждения, направляющие движение скорбящих по Сталину, они два километра до места панихиды преодолели за долгих три часа. Ещё труднее обходить регламентирующие заслоны было в ту эпоху любимцам вождя – Сергей Прокофьев, вернувшийся в СССР из эмиграции, был вынужден писать Сталину здравицы, и делал это виртуозно (их редкие аудио- и видеозаписи, как и самые известные шедевры композитора, сопровождают рассказ о великом современнике Сталина), получал Сталинские премии, но был заклеимён как формалист, а на его творения наложены негласный запрет. Линию Прокофьева в спектакле концептуально разыгрывают актёры «Гоголь-центра» (Алексей Агранович, Юлия Ауг, Андрей Поляков и др.): родные, близкие и выдающиеся коллеги композитора – люди отдельные, могущие противостоять толпе лишь мощностью индивидуального поступка или таланта.

Создатели спектакля назвали его экспериментом – повторения не обещают. Ведь главные свидетели были не в «образе», высказывались вживую, перформанс ценен тем, что он – только здесь и сейчас. Формат предполагал и специальных гостей, так что случайных зрителей в зале было не очень много. Но как минимум почти сотня молодых волонтеров, осознанно поработавших толпой на «Похоронах Сталина», наверняка уже не согласятся реанимировать культ диктатора. И хочется надеяться, что эксперимент будет повторяться: ещё остались очевидцы, чьи рассказы из первых уст помогут псевдопатриотам осознать опасность разъедающего страха и поисков сильной руки. Для себя и для Отечества.

The six and the crowd

Svetlana POLYAKOVA. Photos are provided by Gogol-Centre

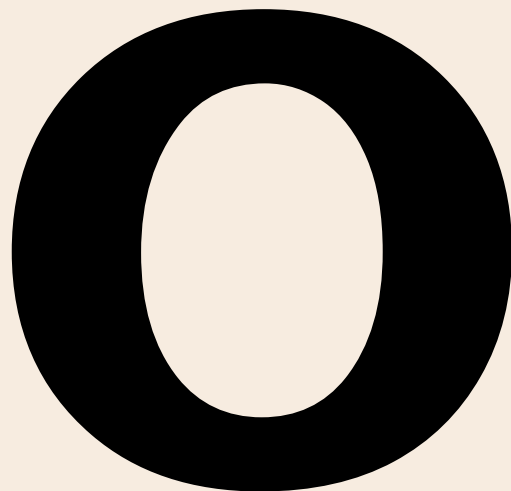
THE SYMBOLIC SPECIAL PRODUCTION OF “STALIN’S FUNERAL”, CENTREED AROUND THE EVENTS OF MARCH 9, 1953, WAS SHOWN AT THE GOGOL CENTRE. THE PRODUCTION FEATURED NUMEROUS CULTURAL FIGURES, WHO WITNESSED THE EVENTS OF THAT DAY (AND WERE EVEN NEARLY TRAMPLED IN THE CROWD). AND EVEN THOUGH THE SPECIAL PRODUCTION WAS PLANNED AS A ONE-TIME EVENT, IT HAD SUCH A RESOUNDING SUCCESS WITH THOSE IN THE ATTENDANCE THAT THERE IS NOW TALK ABOUT THE POSSIBILITY (AND THE NEED) TO REPEAT IT.

ДРУГИЕ ПОХОРОНЫ

In the space of collective memory

ver half a century after the dragon's physical death his work lives on and occasionally prevails. Bowing to the pressure of the mythology created by the segment of the Russian society genetically contaminated with fear, the new generation is acquiring a false memory of "the Greatest Genius" and "Leader of All Times and All Peoples." In anticipation of that anniversary, Kirill Serebrennikov's team conducted a special reconstruction event that showed the funeral for the body of the "Father of the Peoples." Sergei Prokofiev

died on the same day as Stalin – the casket that held the composer, a man whose life served as an antithesis in the symbolic production's dramaturgy, was accompanied by several people through the city's backstreets alongside an enormous crowd that wished to say their farewells to the tyrant. On its face this was a special production event, but in essence it was an attempt to remember the consequences of the Stalin era with the help of living eyewitnesses, documentary evidence and artistic devices.

The walls of the large audience hall at the Gogol Centre are converted into movie screens for showing newsreels. Audience stands are placed around a podium with a rectangular hole in its centre – the grave that had swallowed up millions. A few dozen volunteers play the part of the main antagonist – the crowd that became victim of the cannibalistic ideology and the bloody ceremony of the dictator's interment. The podium becomes littered with spruce branches, buttons ripped off with bits of fabric attached, galoshes, articles of clothing that people extricated themselves out of in order to avoid being trampled by

the crowd. Meanwhile, witnesses come out of the audience to give a eulogy for Stalin's regime and to diagnose the lesions it left on the contemporary society.

The first people that the director invited to play those parts were cultural figures with impeccable reputation – people trusted by others, people who saw it as their moral obligation to take part in this production. Their collective memory formed the puzzle about the retinue playing the king. Alexey Bartoshevich was a teenager when he watched a crowd of people eager to see the leader in his casket break through the cordons with cheers and shouts of "Hurray!" Andrei Smirnov, who studied the era of his childhood in great detail, talked about theft, long lines and horrendous corruption that blossomed in the time of Stalinist "order" that defiled the nation: "we are all children of prison guards." Lyudmila Ulitskaya remembered her friend who ended up with a twisted bowel because she was physically unable to relieve herself in a disgusting Pioneer camp outhouse. According to Olga Sedakova, despite the legend about the nationwide mourning, Stalin's death was eagerly anticipated by millions of GULAG prisoners. Garri Bardin told the story of his family – so typical for that period of time – and threw a bridge over to our time by quoting the idea expressed by the minister of culture that interpretation these days is more important than fact. Journalists Andrey Loshak and Yuri Saprykin also talked about today's "galvanization" of Stalin's corpse. Denis Karagodin, last year's social network hero, came here from Tomsk to personally talk about finding in the archives and making public the names of everyone (!) responsible for the 1937 execution of his grandfather. Penitence of the granddaughter of one of the butchers he exposed answered the ethical question of whether or not the country should know the names of its executioners. Marietta Chudakova raised the alarm: the anniversary year may prompt Soviet Empire "achievements" profiteering in educational programs – and she called on everyone, who doesn't wish to allow for the distortion of history, to take on the personal commitment of passing the truth along to their teenage acquaintances like the baton in a relay race...

However, by director Kirill Serebrennikov's own admission, the people that interested him the most in the entire his-

tory of Stalinism are those who, like the few students that carried the coffin of the disgraced composer Prokofiev when everyone else was paying respects to the Leader, did not walk with the crowd – independent people, capable of standing up against the crowd with nothing more than the power of individual act or talent... Sergei Prokofiev, who returned to the USSR from emigration, was forced to write toasts in Stalin's honor. And he did so masterfully, was awarded Stalin Prizes, but he was branded a formalist and an unspoken ban was placed on his works.

Production creators called it an experiment, and they make no promises regarding repeat performances. But, at the very least, the one hundred-some young volunteers who consciously performed the part of the crowd at "Stalin's Funeral" will surely no longer consent to revive the cult of the dictator. And we should like to hope that this experiment will be repeated: there are still eyewitnesses, whose stories will help pseudo-patriots realize the danger of corrosive fear and the quest for a powerful hand. Both for themselves and for the Motherland.

Lyudmila Ulitskaya